

СТОЛЫПИНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

[Светлана Лютова](#)

Вступление

«Борис Петрович Марков, 1888 – 1945»...

Я присела у могильного холмика накрошить лопоту кулича. Маленькое церковное кладбище омыто было всё пасхальным солнцем. Бабочка-крапивница, откуда ни возмись, закружила, запорхала вокруг меня! Первая бабочка, увиденная мною в этом году.

Нечему удивляться: бабочка – душа. Я растревожила душу моего прадеда, нарушила покой своим любопытством. Они с прабабкой меня простят, я думаю? Извиняться за беспокойство пришла сюда со своими куличом и яичком.

В минувшем году мной была затеяна переписка с Саратовским гос. архивом: хотелось уточнить семейные легенды. Вопросов, впрочем, теперь у меня больше, чем прежде...

Прежде всего, я запросила выписку из родословной дворянской книги Саратовской губернии, зная, что прадед Борис был из саратовских дворян. Пётр Марков, могший быть отцом моему прадеду, в родословной книге, действительно, обнаружился вместе с двумя своими старшими детьми. Бориса же Петровича там не оказалось.

То ли прабабка, по легенде, заметавшая после Революции следы благородного происхождения мужа, так в этом преуспела, что и до родословной книги добралась... То ли отец Бориса Петровича так и не собрался младшего сына вписать... Ведь и старшего он не только в родословную книгу вписал в 10-летнем уже возрасте, но даже метрическое свидетельство о его рождении выправил всего за три месяца до 10-летия сына! Почему?.. (Нет, безобразие! Просто через пень-колоду велись дела в этой «царской России», в этой «деревне-глушь-Саратове»!)

Остаются ещё два варианта: или работники архива (вообще-то спасибо им: очень аккуратно исполняли все капризы моей любознательности!) всё-таки не туда посмотрели (нужно самой ехать рыться), или рождение прадеда моего Бориса Маркова окутывает некая тайна, разгадать которую никто теперь не в силах.

Второе направление поиска было связано с саратовским журналом «Карандаш». Семейное предание донесло скудные сведения: прадед в молодости решил издавать этот журнал, формальным редактором объявив своего малограмотного шурина (брата жены) Ломоносова.

Когда левое направление издания привело «ответственного редактора» в полицию, его профнепригодность оказалась для полицейских чинов сюрпризом.

И вот я держу в руках две папки – копии пяти уголовных дел Саратовской Судебной Палаты. В них – вся недолгая история «Карандаша», в них же – подшитые к делу копии полутора номеров журнала. Крылатый голенький мальчик, вышедший уже из младенческого возраста, стоя на четвереньках, тянется кончиком пера к ноздре то ли смеющейся, то ли уже чихающей маски, почему-то привязанной лентой к тонкому стволу ветвистого каштана. За плечами Купидона (?.. но едва ли это ангелочек!) – ещё одно оружие: тонко отточенный карандаш. Видимо, тот самый, что дал имя изданию (крупно выписанное, оно и является на первой полосе в сопровождении загадочной картинки. Тем более загадочной, что подвергаемая пытке маска провидчески напоминает лицо Б.Н. Ельцына!)

Что в этих двух папках прямо указывает на моего прадеда? 1) Сам факт существования «Карандаша» и его трений с полицией; 2) Полная подпись «Борис Марков» под заметкой «Гражданин думает» на стр. 9 № 11 журнала от 02.07.1906 г. Исполненный благородного негодования, 18-летний автор витиевато намекает на виновное в погромах высокопоставленное лицо, имени которого не открывает, однако, по причине отнятой свободы печати: <http://lyutichee.narod.ru/BM.gif>

Статейка прадеда – явно привет мне и подарок: его полная подпись – неожиданна среди псевдонимов в духе времени: Фон-Гон, Испытавший, Скромный, Шило, Гвоздь, Пчела, Сарказм, Не-Сервантес, Бурелом, Ave. Сколько имён скрывается под этими псевдонимами? А вдруг всё это – мой прадед?! Но вот ещё две фамилии: Ольшанский и Б. Вилли. И вот ещё подписи-инициалы: Б., Бэ. Эм. и Бе-Эм (в которых тоже можно угадать имя Бориса Маркова).

Но издателем «Карандаша» числится вовсе не юный Б. Марков, а Константин Эдуардович Гейнрих, саратовский художник-цинкограф (42-х лет в 1908 г.) и, как позже выяснится, ... германский подданный!

Ответственным редактором в течение 1906 г. перебивали следующие лица: 1) серпуховский мещанин Фёдор Алексеевич Колесников, вскоре после назначения на должность отстранённый «по малолетству»: ему – 21 год, тогда как должно быть не менее 25-и; 2) калужский мещанин 29-и лет Николай Михайлович Лапин; 3) с сентября 1906 г. – сердобский мещанин Алексей Михайлович Зеленцов.

Где же (кто из них?) брат моей прабабки? Может, Лапин? Заявление от его имени писано рукой Гейнриха, только подпись редактора, довольно корявая, собственноручно сотворена Лапиным...

Журнал «Карандаш» издавался регулярно, я думаю, около полугода – с апреля по октябрь 1906 г. Формально же он был запрещён аж двумя (!) решениями суда: от 16 ноября 1907 г. в ходе слушания дела Н.М. Лапина и от 10 августа 1909 г. в ходе слушания дела К.Э. Гейнриха.

Был ли мой 18-летний в 1906 г. прадед зачислен в издателя гиперболизирующей семейной памятью? Был ли он им фактически, прикрываясь именем «германскоподданного» Гейнриха (вообще говоря, весь дерзкий журнальчик – в стиле задорной, чисто юношеской, социал-либеральной шалости!)? Прадед, конечно, и рисовал, и стихи пописывал, но, возможно, он был не основным автором, а лишь одним из начинающих в «Карандаше» журналистов.

Я не вижу средств всё это выяснить. Во всяком случае, в следственных документах Борис Марков не фигурирует.

Но фантазия питается загадками и расцветает на необъяснимом. Например, семейная легенда упоминает о том, что юный Б.П. Марков, только что вернувшись с родительской семьёй в Россию, ещё плохо говорил по-русски (что необъяснимо, с публицистической же деятельностью вовсе не вяжется!). Разыгравшаяся фантазия напоминает тут и о германском подданном Гейнрихе, и об отсутствии прадеда в родословной книге (вдруг прабабка не дворянское происхождение, а германское подданство мужу «исправляла»?!). Вдруг «Борис Марков» – псевдоним, позже ставший именем, какого-нибудь 18-летнего сына 40-летнего Гейнриха?!

Вдруг и «некто Лапин» сменил фамилию на «Ломоносов», скрываясь от суда (лучше не придумал)?! Известно, что брат прабабки почему-то кочевал с семьёй по России, подолгу в одном месте не задерживаясь. Известно, что и Марковы между 1908 и 1916 годами часто меняли место жительства, уехав из Саратова, так что все их четыре ребёнка родились в разных городах страны.

Только к 1920, примерно, году семья окончательно обосновалась в Москве. Нет ли тут связи с Гейнрихом, успешно бегавшим от исполнения приговора?..

Наконец, таинственная связь между Гейнрихом и моим прадедом сквозит в необъяснимом сходстве их почерков. Есть характерные отличия. Но общее сходство поразительно, да и детали многие явно совпадают! С бумагами Гейнриха 1906 года я могу сравнивать лишь две записки моего прадеда, написанные дочери, моей бабушке, – в 1927 и в 1943 годах: стишок с рисуночком в альбом к 15-летию и поздравление с рождением моей мамы. Больше, увы, «думавший гражданин» ничего мне не оставил.

Только оранжевая в крапинку бабочка потрепыхалась вокруг...
Благодаря за попытку вспомнить былое?..

Каковы бы ни были саратовские тайны начала XX века, мой прадед, бесспорно, был равнодушным свидетелем всего того, что происходило с изданием, в котором он так или иначе участвовал. В память о Борисе Маркове я хочу восстановить хронику тех давних событий (ах, сколько бы он, наверное, мог порассказать сам!), тем более, что они кажутся мне наводящим на размышления штрихом к истории не только моей семьи, но и... России.

В контекст истории страны историю «Карандаша» вводит уже тот факт, что последняя начинается и заканчивается именем П.А. Столыпина...

Хроника

29 марта 1906 г. художник Гейнрих, германский подданный, письменно заявил Его Превосходительству Господину Саратовскому Губернатору своё намерение издавать в Саратове еженедельный художественно-иллюстрированный журнал по программе: 1) на злобу дня; 2) маленькая хроника; 3) иллюстрированный фельетон; 4) разные известия; 5) иллюстрации и карикатуры; 6) статьи по разным вопросам; 7) объявления. Цель издания полагалась следующая: «служить отражением современного состояния общественной жизни, воспроизводя её выдающиеся события пером и карандашом».

13 апреля 1906 г. Гейнрих получает свидетельство о праве издания за личной подписью саратовского губернатора. Разрешение на издание «Карандаша» оказалось одной из последних резолюций, вынесенных П. Столыпиным в должности саратовского губернатора: уже в июле он в Петербурге, где вскоре займёт пост председателя Совета Министров.

23 апреля 1906 г. выходит первый номер «Карандаша», а уже...

10 мая 1906 г. саратовский «отдельный цензор по внутренней цензуре» впервые пытается возбудить уголовное дело против ответственных лиц журнала за публикацию в № 3 от 7 мая 1906 г. стихов «преступного содержания» «В тюрьме» и «Становитесь под красное знамя». Однако 15 мая Саратовская Судебная Палата просьбу цензора отклоняет, преступного содержания в стихах не усмотрев.

1 июля 1906 г. исполняющий должность саратовского инспектора по делам печати (кажется, Яблонский) конфискует № 11 «Карандаша» за публикацию на первой полосе карикатуры на министров, сталкиваемых «по бюрократической лестнице» рукою депутата Государственной Думы. (Из статей этого номера явствует, что Дума гонит Правительство

за то, что министры издали сообщение по аграрному вопросу, желая заранее опорочить решение депутатов.) Инспектор усматривает в рисунке призыв к «бунтовщическому деянию». Но 12 июля товарищ прокурора Саратовской Судебной Палаты В. Казем-Бек отдаёт распоряжение уголовное преследование прекратить, а конфискацию журнала отменить, поясняя: *«В рисунке изображается в грубой форме лишь отношение Гос. Думы к министрам после прочтения премьером кабинета министров декларации в Думе».*

17 июля 1906 г. инспектора по делам печати возмущает ещё один рисунок в «Карандаше», на сей раз в № 13. Художником изображена верхняя перекладина виселицы с надписью «САМОДЕРЖАВИЕ», на которой стоит председатель Совета Министров с пулемётом и ружьями в руках. (В одной из заметок номера Столыпину, кстати, поминают бойню, устроенную им на Институтской площади Саратова в бытность ещё губернатором.) 20 июля товарищ прокурора отклоняет и эту просьбу инспектора за отсутствием состава преступления. Он снисходительно (и лукаво, как мне кажется) пишет: *«Нельзя прийти к заключению, что рисунок этот составлен и напечатан в журнале с целью оказать дерзостное неуважение Верховной Власти, так как трудно установить, изображает ли этот рисунок деятельность председателя Совета Министров, или же он относится к Верховной Власти».*

23 августа 1906 г. раздосадованный инспектор по делам печати предпринимает иной ход: он вызывает г. Подземского, хозяина типографии (уже второй по счёту), в которой печатается «Карандаш», и ПУГАЕТ его! В результате г. Подземский даёт письменное обязательство не печатать больше у себя «Карандаш» под страхом закрытия типографии.

С **1 сентября** Гейнрих вынужден печатать журнал в другой типографии, добыв на то разрешение.

В сентябре вокруг «Карандаша» сгущаются тучи:

23 сентября 1906 г. Гейнрих почему-то заменяет Лапина Зеленцовым на должности ответственного редактора. О дальнейшей судьбе Лапина мы можем судить только по одному документу. Это – копия Приговора саратовской Судебной Палаты по Уголовному Департаменту от **16.11.1907 г.** Лапин признан виновным в преступлении, предусмотренном 7 п. 8 отд. Закона о печати от 24.11.1905 г. и приговорён к штрафу в 300 р. или, «при несостоятельности», к аресту при полиции на 3 месяца. На 5 лет ему запрещается заниматься изданием или редактированием.

29 сентября 1906 г. Гейнрих отправляет письмо саратовскому губернатору (которое оказывается подшитым к делу). На мой взгляд,

послание это – лучший образец публицистического дара издателя «Карандаша», лучший, чем все доступные мне опусы, опубликованные в его журнале. Хочу привести полный текст письма:

«Ваше Сиятельство!

Г-н Полициймейстер от имени Вашего Сиятельства сообщил мне, что Вы под страхом высылки меня из Саратовской губернии запрещаете помещать в издаваемом мною журнале «Карандаш» карикатуры, относящиеся до епископа Гермогена, а равно и статьи, содержащие в себе оскорбление религиозных чувств, усматривая такое оскорбление в помещённой мною в альманахе «Голос Правды» статьи «Тесный кружок», а именно в том, что там приводятся заглавные слова молитвы «Достойно есть». –

Я полагал, Ваше Сиятельство, что пение молитв в таком собрании, где говорилось о грабеже и об убийствах (100 жидов за одно должностное лицо и т.п.), неуместно и богохульственно, и что прямая обязанность журналиста – указывать, а не замалчивать такой глубоко прискорбный факт.

Я думал также, что, издавая журнал, я не в праве не отозваться на такие проявления, как воззвание «Голос архипастыря» (воззвание это стоило многих жертв, Ваше Сиятельство!).

Я тоже не знаю, почему нужно замалчивать такой факт, как перерасход 16.000 из епархиальных сумм, тем более, что в данном случае я только иллюстрировал то, о чём уже писали и продолжают писать местные газеты.

Если я позволил себе критиковать действия епископа, то отнюдь не как представителя Св. Церкви, а как частное лицо, злоупотребляющее своим высоким саном. Я думаю, Ваше Сиятельство, я поступил честно и правильно и не заслужил упрёка, ни тем менее угрозы административной высылки.

Что касается соображения г-на полициймейстера, что такие «выходки» могут возбудить к погрому, то я позволяю себе этому не верить; именно последнее выступление (жалоба Вашему Сиятельству) наглядно доказывает, что вожаки боятся утратить своё влияние над обмороченными ими людьми; дело не в епископе Гермогене, взгляните на мой журнал, в редком № Вы не встретите критики, направленной против епископа! Почему же до сих пор всё было тихо? И почему зашумели теперь, когда появился в карикатурном виде председатель Шишов?

Административное давление на так называемую левую печать должно ободрить и побудить к действиям; будут говорить:

«Правительство за нас». Это привлечёт в их ряды специалистов-грабителей, на что и рассчитывают партии чёрной сотни!

На основании всего изложенного осмеливаюсь просить, Ваше Сиятельство, не ограничивать мой журнал административной властью, я всегда готов отвечать по суду и закону!

Извиняюсь за доставленное беспокойство. Я опять думаю, что поступаю правильно, обращаясь непосредственно к Вашему Сиятельству.

Издатель журн. «Карандаш» Константин Гейнрих»

8 октября 1906 г. в № 25 «Карандаша» публикуется стихотворение «Гимн Столыпину», которому суждено стать роковым в судьбе журнала. На сей раз инспектору по делам печати, видимо, наконец, удаётся подвинуть прокурора на возбуждение уголовного дела против Гейнриха по п.«в» ст.5 отд.8 Закона о печати от 24 ноября 1905 г.

Издателю инкриминируется «распространение заведомо ложных сведений о деятельности должностного лица, возбуждающих в населении враждебное к нему отношение». Сведения о П.А. Столыпине такого рода усмотрены в следующих стихотворных строках (исключительной художественной ценности!):

- 1) *«Призвал хулигана, как брата, // С собой он на общий погром»;*
- 2) *«Гнут выи народы со страха // Под гнётом раба-палача»;*
- 3) *«А он там, стоящий у трона, // Бичующий правду с плеча, // Сам первый попрал он законы, // Как деспот, ...Долой палача!».*

15 января 1907 г. Как и хотел, Гейнрих предстал перед «судом и законом»... и был оправдан! Саратовский Окружной Суд не находит в деяниях Гейнриха состава преступления: никаких-де конкретных фактов про Столыпина им не выдумано, а налицо лишь *«резкая и, пожалуй, даже оскорбительная критика всей деятельности Столыпина».*

25 января 1907 г. прокурор Саратовского Окружного Суда подаёт в Саратовскую Судебную Палату Апелляционный Протест. Прокурор обжалует решение суда, усматривая в «Карандашных» виршах именно освещение заведомо ложных фактов деятельности Столыпина: не имевших место в действительности *«призывов подонков общества к учинению погромов и допущение Столыпиным превышения власти».*

Протест прокурора был принят, возобновлено дело против Гейнриха. Слушание по нему в Саратовской Судебной Палате было назначено на 7 апр. 1907 г. Необходимо, чтобы подсудимый был оповещён о наличии прокурорского протеста, о дате слушания по этому протесту и о составе суда.

Вот тут и начинается самое забавное во всей истории «Карандаша»! Выясняется, что:

16 февраля 1907 г. Гейнрих был препровождён из Саратовской губернской тюрьмы в Пензенское городское полицейское управление. С этого дня следы германского подданного, утратившего, видимо, вкус к ответу по суду и закону, постепенно теряют очертания.

Гейнриху шлют повестки (с пометкой «явка в судебное заседание не обязательна») по нескольким адресам: на его прежнюю саратовскую квартиру, в саратовскую тюрьму, в Пензу, в Пермь, где он, видимо, однажды объявился, и в слободу Покровскую Новоузенского уезда Самарской губернии, куда Гейнрих уехал из Саратова 24 ноября и где оставался до 18 декабря 1906 г.

7 апреля 1907 г., 17 марта 1908 г., 8 июля 1908 г. и 12 декабря 1908 г. – четыре раза было отложено рассмотрение дела лениво-благодарной Саратовской Судебной Палатой ввиду того, что все повестки возвращались, не раз обежав по кругу всё те же (указанные выше) адреса Гейнриха и адресные столы названных городов, германского подданного не находя.

К делу подшита объяснительная записка для полиции некоей Елизаветы Чубенко, жительницы упомянутой слободы Покровской. Она клянётся, что Гейнрих у неё не квартировал, а столовался у её квартиранта Карла Ивановича Гета (тоже германского подданного?). Где они оба теперь, она не знает, «*в чём и подписуется*». Подпись заверена местным урядником.

22 декабря 1908 г. слушание дела было в последний раз перенесено – на 23 декабря, «*ввиду позднего времени и сильного утомления членов присутствия*» Саратовской Судебной Палаты.

23 декабря 1908 г. члены присутствия вдруг вспомнили (впервые за два почти года), что дело может слушаться и без подтверждения того, что подсудимому известно об апелляции прокурора. Ещё в 1896 г. Правительствующий Сенат, оказывается, предусмотрел такую возможность!

Саратовская Судебная Палата, по 1-му Уголовному Департаменту, в публичном судебном заседании под председательством И.Е. Стельмаховича определила: приговор (оправдательный для Гейнриха) от 15.01. 1907 г. утвердить, оставив апелляцию прокурора без последствий: «*В вышеозначенном стихотворении нет указаний на определённые позорящие обстоятельства..., а содержится лишь вообще злословие, брань и оскорбление должностного лица... Возбуждение преследования за оскорбление возможно лишь по требованию самого оскорблённого лица, чего в данном случае не было*».

Эта резолюция Саратовской Судебной Палаты также было обжалована и.о. Товарища Прокурора Саратовской Судебной Палаты в высшей инстанции, то есть в Сенате.

13 марта 1909 г. из 4-го Отделения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената пришёл «Указ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО Саратовской Судебной Палате».

Сенат определил: «Обжалованный приговор, за неправильным толкованием статьи, отменить и дело возвратить в Саратовскую Судебную Палату для нового его рассмотрения в другом составе присутствия». В резолюции Сената пояснялось, что Палата должна была расследовать, заведомо ли ложными были для Гейнриха опубликованные им сведения, и возбуждали ли они враждебное отношение в населении к Столыпину (а не фантазировать на тему, «по фактам» или «вообще» распространялась клевета).

После Указа дело в Саратове закипело: Гейнриха ещё немного поискали – по тем же адресам, с тем же успехом – и заслушали дело новым составом под председательством С.И. Курнатовского...

10 августа 1909 г. На сей раз, разумеется, Гейнрих единогласно был признан виновным в злонамеренном размещении «Гимна Столыпину» в «Карандаше» и приговорён к наказанию «в низшей мере» – к 2-м месяцам тюрьмы.

В Приговоре сказано: *«Сведения, содержащиеся в этих строках, настолько не соответствуют роли и положению лица, о котором идёт речь в стихотворении, что без точного указания на определённые факты, имевшие место в действительности, означенные сведения не могут быть сочтены иными, как только заведомо ложными».*

Известно, что до **9 октября 1909 г.**, по крайней мере, этот приговор никем не был обжалован.

А **6 апреля 1913 г.** Председатель 2-го Уголовного Департамента Саратовской Судебной Палаты вдруг попросил (в письменной форме) Председателя 1-го Уголовного Департамента выслать ему зачем-то копию приговора «от 1908 г.» по делу Гейнриха со сведениями об отбытии наказания по этому приговору.

Поскольку этой просьбой бумажные дела «Карандаша» обрываются, любопытство Председателя 2-го Департамента я вполне разделяю и теряюсь в догадках, было ли оно тогда, в 1913 г., удовлетворено!

И все-все-все они ничего ещё не знали ни о 1914 годе, ни о 1917...

И ВСЕ, между тем, (по мере сил и способностей) приближали эти даты!